

© 2023. О. В. Кириченко

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
г. Москва, Россия

Москва и Петербург в романе Л. Н. Толстого в свете учения о Третьем Риме

*Статья публикуется в соответствии с планом
научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН*

Аннотация: в статье затрагивается вопрос о понимании и трактовке Л. Н. Толстым учения о Третьем Риме, реализуемом им в романе «Война и мир». Будучи знакомым с государственным учением и идеологией, Толстой представляет в романе свое видение концепции, рассматривая Москву в качестве символа Третьего Рима, а Петербург — Первого. Москва для Толстого носитель «мира» во многих смыслах и жизни, а Петербург — это город войны и смерти. Автор статьи доказывает, что Москва для Толстого — это не политический центр, а центр русского народа, его традиций и истории, ядром ее является не Кремль, а семья Ростовых — старинного русского аристократического рода. Москва Третий Рим — это этнический центр, организующий борьбу жизни против смерти и тех, кто является ее проводником.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман-эпопея, «Война и мир», Москва, Петербург, Третий Рим, русская аристократия, православие, русский народ.

Информация об авторе: Олег Викторович Кириченко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Ленинский пр-т, д. 32 а, 119017 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 25.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Кириченко О. В. Москва и Петербург в романе Л. Н. Толстого в свете учения о Третьем Риме // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 34–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-34-57>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Oleg V. Kirichenko

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Moscow and St. Petersburg in the Novel by L. N. Tolstoy in the Light of the Doctrine of the Third Rome

Acknowledgments: The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article touches upon the question of L. N. Tolstoy's understanding and interpretation of the doctrine of the Third Rome, which he implements in the novel "War and Peace." Being familiar with state doctrine and ideology, Tolstoy presents his vision of the concept in the novel, considering Moscow as a symbol of the Third Rome, and St. Petersburg as the First one. Moscow for Tolstoy is the bearer of "peace" and life in many senses, while St. Petersburg is a city of war and death. The author of the article proves that Moscow for Tolstoy is not a political center, but the center of the Russian people, its traditions and history. Its core is not the Kremlin, but the Rostov family — an old Russian aristocratic family. "Moscow The Third Rome" is an ethnic center that organizes the struggle of life against death and those who are its conductor.

Keywords: L. N. Tolstoy, epic novel, "War and Peace," Moscow, St. Petersburg, Third Rome, Russian aristocracy, Orthodoxy, Russian people.

Information about the author: Oleg V. Kirichenko, DSc in History, Director of Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32 a Leninsky Pr., 119017 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Received: October 11, 2023

Approved after reviewing: October 25, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Kirichenko, O. V. "Moscow and St. Petersburg in the Novel by L. N. Tolstoy in the Light of the Doctrine of the Third Rome." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-34-57>

В статье исследуется главный идейный посыл автора романа «Война и мир», касающийся сознательно поставленной писательской и философской задачи. Она, на наш взгляд, состоит в том, чтобы вывести государство, и в лице его Петербург, из числа победителей в Отечественной войне 1812 г., а сделать ответственной за победу Москву — «аристократически народный Третий Рим». Автор статьи опирается на исихастский взгляд, который демонстрирует Ф. М. Достоевский в своем позднем творчестве, наделяя всех своих героев идейным багажом, энергией смысла. Это отчасти заметил в великом писателе литературовед М. М. Бахтин, вслед за В. В. Ивановым [Бахтин: 11, 15] [Иванов: 28]. Бахтин выделил эту особенность Достоевского как его личную, уникальную, присущую лишь немногим в мире литераторам, в число которых, по мнению Бахтина, не входил Толстой. Однако, как нам видится, идейность может проявляться не только в форме личностного самосознания, но и в других формах. Так, Толстой демонстрирует ту же самую идейность, но как выражение общественного мнения большой группы людей из числа русской аристократии. Хотя, одновременно, он демонстрирует и свою личностную идейность (скажем, антигосударственность), которая умело скрывается им за общественной идейностью и практически не видна. Свою задачу автор данной статьи видит в выделении в романе-эпопее Толстого тех бытийных форм, которые в понимании Толстого дышат энергией «преображения», жизни или, наоборот, энергией разрушения.

Толстой очевидным образом опирается на третьеримскую идейность в «Войне и мире», что довольно легко показать. Есть несколько эпизодов, где буквально воспроизводятся положения, прямо указывающие, что писатель помнил о политическом формате этой темы, учитывал ее и опирался на ее ресурс. Наша исходная позиция состоит в выяснении *формы* использования третьеримской идеи,

которая отвечала интересам Толстого. Скорее всего, за написание соответствующего произведения Толстого заставил взяться общественный запрос: писатель выполнял в данном случае не только собственную волю, но и озвучивал мнение определенной части старинной русской аристократии на события 1812 г. Государство как идеологический монополист на тему этой войны к 1860-м гг. уже основательно высказалось и продолжало высказываться. На волне послевоенных народных симпатий появилось славянофильство и антипод его западничество; что позволило и в личной сфере реализовать «римскую тему», которая странным образом была интерпретирована как «Восточный вопрос», привязанный к полному политическому возвращению Константинополя в православную ойкумену. Не был озвучен лишь русский старо-аристократический взгляд на французское нашествие 1812 г., и здесь третьеримская идея и оказывалась той точкой преломления, которая позволяла высветить особенности понимания этой частью русского общества событий Отечественной войны 1812 г. Произведение Толстого интересно нам и как типологический пример, представляющий общественный взгляд на идею «Москва — Третий Рим».

«Война и мир», как замечали многие, не совсем обычное художественное произведение, чувствовалось, что оно подчинено серьезной идее. Толстой при переговорах с М. Н. Катковым о журнальном печатании первых глав произведения не хотел, чтобы звучали слова «роман» или «повесть»: связь с документом той эпохи была очень тесна, текст был насыщен философскими размышлениями. Позже, когда появились критические статьи о «Войне и мире», Толстой сетовал, что критики разделяют роман на художественную и философскую части, что для него было неприемлемо. Кроме того, в конце 1870-х гг. роман-эпопея для Толстого ушел в прошлое, перестал его интересовать. Это был для писателя продукт своего времени, концентрированная сложная концепция, озвученная и забытая, поскольку к этой теме Толстой больше уже не возвращался. По нашему мнению, в этой теме свет увидело много такого, с чем потом сам писатель был не согласен (поэтому текст романа правился для собрания сочинений). Все вышесказанное заставляет нас думать о том, что Толстой выполнял своего рода *общественный заказ* «Москвы» как старорусской цивилизации на написание произведения, проникнутого симпатией

к ее ценностям и объясняющего современное значение Москвы для России. Это был *не славянофильский* заказ, как мы покажем ниже, но по-своему «государственный», от лица прошлой, допетровской российской государственности, сделанный именно московским обществом. Вот почему в романе так много нехарактерного для Толстого воспевания государственной мощи России, хотя и прикрываемого словами о народе.

Нельзя не согласиться с А. В. Гулиным в том, что Толстой не однозначен в своем очевидном неприятии государственности и государства, и конкретно, Российского государства. А. В. Гулин считает, что у великого писателя, хотел он этого или нет, ярко выражена тема имперского величия современной ему России [Гулин]. Одной рукой Толстой старался уничтожить следы этого величия, другой приветствовал и превозносил его. А. В. Гулин объясняет этот парадокс особенностями писательского метода, опирающегося на психологизм и личностные характеристики человека, заставляющие Толстого создавать непротиворечивую психологическую картину, включающую и внешние атрибуты имперской жизни России. Но важно и то, что Толстой вынужден был идти за общественным мнением в иллюстрации источника силы старинной московской аристократии.

Третий Рим в понимании Толстого.

Казалось бы, если предвоенная и военная Москва показывается Толстым как «Рим», то здесь должны присутствовать все основные римские атрибуты: *вечность, стремление к расширению и властность*. Но этого нет. В центре предвоенной Москвы не камни «вечного Кремля», не политические знаки вечности. Также не показаны следы московской власти, а московский губернатор граф Ф. Растопчин, каким его рисует Толстой на протяжении всего повествования, оказан человеком недалеким, жестоким, хитрым и лицемерным. Нет ничего из политического ресурса, отвечающего высокому третьеримскому статусу. Тем не менее, Толстой несколько раз акцентирует внимание читателя на политической доктрине римскости Москвы.

Речь о Москве как Третьем Риме открыто появляется в третьем томе романа, в эпизоде перехода Наполеоном границы России. Французский император беседует с посланником Александра I — генералом Балашовым. Он просит русского вельможу рассказать о «священ-

ном городе». Для Наполеона это не просто фраза, как подчеркивает Толстой, но смысл происходящего.

В беседе Наполеона с Балашовым впервые мы имеем возможность увидеть Москву со стороны, а не изнутри, через дома Ростовых, Безуховых, Ахросимовых и т. д. Поскольку Наполеон хочет получить картинку священной Москвы, Балашов говорит о церквях, которых в столице около двухсот. Наполеон дивится такому обилию и пытается объяснить это отсталостью русских, но Балашов настаивает на набожности и на особых нравах. От этой темы Балашов и переходит к Третьему Риму, хотя и осторожно, одной фразой обозначая цель пути французского императора. На вопрос Наполеона какие города его ждут на московской дороге, Балашов отвечает: «Как всякая дорога по пословице ведет в Рим, так и все дороги ведут в Москву» [Толстой 11: 31]. И далее, словно продолжая мысль старца Филофея «а четвертому не бывать», Балашов косвенно напоминает императору о судьбе другого претендента на захват Третьего Рима, шведского короля, побежденного под Полтавой, мимо которой Наполеон пройдет по пути в Москву. В другом месте Толстой вспоминает о теме Небесного Иерусалима — во время одного из московских богослужений в первые дни нашествия Наполеона.

Но все эти указания на политический характер Третьего Рима нужны Толстому для того, чтобы читатель не сомневался в особенном статусе древней русской столицы. При этом Толстой не развивает третьеримскую тему в ее политическом ключе, как идеологию от лица государства, он переосмысливает ее как современную идею от лица русского московского аристократического общества и делает основой не принцип статусности города, его священства и духовной значимости для страны, а принцип этнического центра русского народа, места, где в семейном лоне главных героев Ростовых появляются и произрастают конкретные представители Третьего Рима.

Петербург и Москва: война и мир

Петербург и Москва рассматриваются нами не в контексте структуралистского видения мира в виде дихотомических оппозиций (как это было принято в школе Ю. М. Лотмана») [Топоров: 259–367], а следуя за самим Толстым, расширявая его понимание этих горо-

дов как судьбообразующих для России. Здесь символизм носит естественный характер, какой он имел место у А. Радищева в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», или у А. Белого в его романах «Петербург» и «Москва», написанных, несомненно, под толстовским воздействием. Важным оказывается и аспект «эпичности» присущий толстовскому роману [Андреева: 196], потому что за ним тянется заданный столицей тон. Скажем, А. Белый, подхватывая толстовскую тему «Москвы» и «Петербурга», отказывается от того, чтобы вести диалог между ними, для него важна общероссийская нота звучания каждой столицы, ведь за каждым из городов стоит своя Россия. Торжественный эпичный тон Белый заимствует у Толстого, решая, однако, другие задачи. Хотя отношение к Петербургу у него то же, он бросает вызов Петербургу, приглашает его на поединок [Долгополов: 174]. Сложно тут не вспомнить Евгения из «Медного всадника» Пушкина.

Толстым книга была названа «Война и мир» не для того чтобы проиллюстрировать время мирное «до войны» и военный период, хотя и без этой очевидной ссылки на исторические события тоже не обойтись. Толстой не был бы Толстым, если бы остановился только на очевидном. Война и мир связаны с двумя центрами, с двумя Римами: Первым Римом — Санкт-Петербургом и Третьим Римом — Москвой. Все, что тяготеет к войне, в прямом и символическом смысле, относится к Петербургу, противоположное ему, тяготеющее к миру — это московское. У Петербурга есть духовный союзник, и это не Москва, это Западная Европа, большей частью Франция, Париж, а у Москвы таких союзников нет, только прошлое и его жители. О смысловой многозначности терминов «война» и «мир» говорили разные исследователи, этот аспект был полностью раскрыт [Билинkis: 225–226]; [Ермилов: 16–20], но мы по-новому смотрим на диалог между «войной» и «миром», предпринятый Толстым. Так же новым является изучение самой стихии перетекания смыслов; скажем, когда изначально мирная Москва становится военной, а военный Петербург приобретает черты мирного города.

В мирное время «языческий» Петербург воюет с «православной» Москвой невоенными средствами, но тоже своего рода оружием: он увлекает москвичей на свои роскошные балы, в свой мир чиновничьих условностей и иерархии; влечет туда, где есть ложные мисти-

ка и религиозность масонства, где размывается понимание русской традиции, русского дела. Москва постоянно посещается (в большей степени, чем Петербург) петербуржцами: то ради богатой невесты, то ради хлебосольных аристократических домов, то ради того, чтобы узнать новости, голос общественного мнения, почувствовать настроение москвичей. Александр I едет в Москву в начале войны с Наполеоном, чтобы поднять в народе дух патриотизма, потому что в Москве это возможно было сделать, москвичи откликались на монарший зов, в отличие от холодных петербуржцев.

В толстовской счастливой, *довоенной мирной* Москве, столице прежней империи, практически отсутствует религиозный идентификатор пространства. Есть чудесные описания бала в Петербурге, где всех покоряет москвичка Наташа Ростова, есть дивные описания охоты в имении Ростовых, вечер у дядюшки, святки с ряженными, гонки на саях в лесу по январскому морозцу, дворянские русские пляски и хороводы в имении Мелюковых на святки, но нет «тихих церковных праздников», ни Пасхи, ни Рождества, ни Троицы. Толстовская аристократическая русскость в мирное время обходится «без попов и церковных богослужений». Первые проблески религиозности появляются в связи с возвращением Пьера Безухова в предвоенную Москву. Он сбежал сюда из Петербурга, от масонов, от жены Элен, от мыслей об Андрее и Наташе, сбежал от себя самого, запутавшегося в Петербурге, городе войны: «В Москве, как только он въехал в свой огромный дом с засохшими и засыхающими князьями, с громадной дворней, как только он увидел — проехав по городу — эту Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами, эту Кремлевскую площадь с незаезженным снегом, этих извозчиков и лачужки Сивцева Вражка, увидел стариков московских, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидел старушек, московских барынь, московские балы и московский Английский клуб, — он почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Ему стало в Москве покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате» [Толстой 10: 295]. Для Пьера, принятого Москвой как родного, произошло вновь соединение с миром людей, его понимающих и ценящих за великодушие, рассеянность, веселость, чудачество, щедрость, русскость старого покроя, за подлинное барство. Возвращение блудного сына из Петербурга в Москву состоялось. А ведь в свете более ран-

него путешествия Радищева тем же путем это уже выглядит русской традицией.

Более мощно и объемно церковная жизнь москвичей обозначена у Ростовых. Она тоже раскрывается на фоне возвращения Наташи Ростовой из «петербургского плена», после случая с Анатолом Курагиным и разрыва помолвки с князем Андреем. Оба эти героя — представители Петербурга, худший и лучший его образцы. И оба оказались в поле внимания «лучшей» москвички Наташи Ростовой. Эту пару героев будет правильным воспринимать в противостоянии бытия и небытия, мира и антимира [Миронова: 54–62]. Чтобы вернуться домой, в Москву, Наташе требуется глубокое церковное покаяние. Она говееет неделю, каждый день посещает храм с духовно «строгим настоятелем», утром возвращается со службы домой, когда простой народ только еще движется на работу, испытывает новое чувство возможности исправления себя от своих пороков и желание новой чистой жизни и счастья, чтобы в воскресенье причаститься. Вместе с уходящими нравственными тяготами героиня ощущает новое состояние «покоя и не тяготящейся жизни». Это обстоятельство через причастившуюся Наташу Ростову открывает читателю дорогу в церковный мир Москвы. Ростовы ходят еженощно к обедне «в домовую церковь Разумовских», искренне и сердечно молятся, и Наташа слышит слова ектеньи, произносимой дьяконом: «*Миром* Господу помолимся», «О свышнем *мире* и спасении душ наших». Толстой добавляет: «“О мире ангелов и душ всех бестелесных существ, которые живут над нами”, — молилась Наташа» [Толстой 11: 74]. Москвичка Ростова молится в церкви и с Церковью о мире на земле и о мире надмирном. Москва здесь впервые раскрывается Толстым как город мира земного и небесного. Отдельные исследователи допускают, что за «войной» и «миром» в романе стоят религиозные и нравственные смыслы [Амирханян: 146]. Значение небесного мира для Москвы особо подчеркивается Толстым в молитве москвичей за русское воинство, в дни начала войны. Москвичи, пришедшие, как и Наташа Ростова в храм, слышали слова молитвы о спасении России от нашествия «двунадесяти языков», в содержании которой был и «третьеримский смысл». Здесь Толстой воспроизводит все необходимые сакральные смыслы, присущие Москве как Третьему Риму, во-первых, они звучат в храмовом пространстве, во-вторых, в период

войны, когда война посетила мирный град Москву, потому что для отражения сил неприятеля нужны не военные ресурсы, такие как у Наполеона, а мирные, народные и церковные, небесные. Все это Толстой воспроизводит, озвучивая подлинный характер происходящего. Сами москвичи ждут от столицы доли «искупительницы», готовой платить за грехи петербуржцев и за свои собственные.

Толстой показывает Москву-искупительницу глазами Наполеона как лежащую перед ним, невиданную еще им восточную красавицу. Император говорит, что «город, занятый неприятелем, подобен девушке, потерявшей невинность». Так думает и Толстой, вложив эти слова интерпретации народного понимания искупления в уста Наполеону, олицетворяющему не только Францию, Западную Европу, но и Санкт-Петербург. Платой за это насилие со стороны Наполеона предлагается награда: «...я дам им законы справедливости, я покажу им значение истинной цивилизации, я заставлю поколения бояр с любовью поминать имя своего завоевателя» [Толстой 11: 326]. То есть Наполеон руководствуется европейской мыслью о благе для России европейского завоевания. Если перевести эту речь в идейный контекст, то Наполеон говорит это Москве от лица Петербурга как уполномоченного привести Москву к покорности любой ценой. «Древняя столица царей», как называет ее Наполеон, одна в России не покорила Западной Европе. Российский Петербург не смог справиться с этой задачей, с покорением древних скифов, но эту задачу решит император союзной Европы. И все дело лишь в насаждении европейских законов и обеспечении их выполнения.

Антиподом Москвы-мира является имперская столица Санкт-Петербург, город «войны» и всех сопутствующих войне смыслов. Как ни странно, но в Петербурге Толстым не прописан политический центр, связанный с пребыванием главы России — царствующего императора. Мы не видим в Петербурге императора в официальной обстановке. Сам город выглядит политически рыхлым, он весь состоит из «объединений»: салонных, масонских, «дружеских кружков» (типа клубов), праздничных собраний (балов и т. п.). Это тоже аристократический мир, но очень пестрый и нестойкий, собирающийся в группы и распадающийся. В содержание города «войны» входит, в первую очередь, нерусское дворянство, противоположное русскому аристократическому началу, без глубоких древних корней.

Это место формализма, законничества, карьерных устремлений, лицемерия, смерти, это город, ориентированный на Европу. В своем позиционировании себя в качестве Первого Рима он составляет часть европейского перворимского пространства. Если собрать всю петербургскую символику воедино, как ее понимал Толстой, то этот символический ряд будет следующим: Петербург — 1) это смерть; 2) это «заколдованный» город; 3) это место, откуда вырывается «страшная сила», которая объединяет людей для войн, разрушений и насилия; 4) это пустота, нирвана, небытие, с непонятным крайне могущественным, больше жизни, источником силы; 5) это служение идее Первого Рима, античного, языческого, подчиненного задачам: а) расширения, б) власти и в) вечности.; 6) это задачи: военная, политическая и культурная.

Начало войны с Наполеоном, по мысли Толстого, еще больше обозначают точки сближения Петербурга и французов. Российский император, хотя и представитель Петербурга, города войны, но он словно передал эту миссию Наполеону, а сам не хочет воевать, он не знает, что ему делать, он колеблется, не имеет плана действия, обращается к Наполеону по-прежнему «брат», просит по-хорошему уйти за Неман, устраивает бал в Вильно, когда Наполеон уже движется по территории России. Толстой специально подчеркивает зеркальность русской и французской военной элиты; у Наполеона есть свой Аракчеев — маршал Даву, императора Александра окружают одни западноевропейцы: немцы, шведы, французы, многие из них бежали из Европы от Наполеона. Наполеон грозит Александру (через Балашова), что он арестует в Пруссии княжескую аристократию, родственную российской правящей династии, и отправит их на проживание в Россию. Этот параллельный мир в России, московский и петербургский, о котором Наполеон знает, начинает себя постепенно проявлять в соответствии со своей подлинной патриотической ориентацией. Но объективно Толстой должен показать Александра I не только как он — Толстой — его видит (как параллельную Наполеону сторону, чуть ли не союзническую), но и каким его видит Москва, народ, московская аристократия. Манифест императора и самого Александра Москва встречает с восторгом, выражая свои патриотические чувства. От лица Ростовых государя горячо приветствовал перед входом в Кремль в толпе народа Петя Ростов, чуть не задавленный народной

лавой. Следуя этой народной логике, царь отправляется царствовать, а все военные полномочия передает «москвичу» Кутузову. Почему москвичу? Потому что он противостоит немецкой партии, партии Петербурга.

Главные герои Москвы и Петербурга

Художественный мир Толстого в романе жестко подчинен его третьеримской идее: Москва и ее люди — это мир и жизнь, а Петербург — это война и смерть. Символическими смыслами Москвы являются жизнь, жизненная энергия — это заветная тема для Толстого. Именно жизненная символика заставила Толстого взять за точку отсчета римскости Москвы семейную единицу (семья Ростовых стоит в центре всей московской саги). Семья — это рождение новых жизней, это лоно, в котором сберегается народная, жизненная сила. Не случайно после благополучного перенесения всех испытаний Наташа Ростова, как и ее муж Пьер Безухов, в семейной многодетной их жизни напоминают не человеческую, а какую-то природную ячейку. Многодетная Наташа сравнивается Толстым с плодovitой самкой, заботящейся только о своем потомстве. Предыдущий претендент на руку и сердце Наташи, князь Андрей, пытался несколько раз вернуться к жизни: после ранения на поле Аустерлица, после смерти жены, после нарушенного слова Наташи, наконец, после смертельного ранения на Бородинском поле. Жизнь оставляет его, когда он, тяжело раненный остается с Ростовыми, когда приезжает княжна Марья. Но если он не умрет его сестра никогда не станет женой Николая Ростова и род Болконских, ушедший в «петербургское служение», так и останется там, в Петербурге, перетянув туда и «лучшую москвичку» Наташу Ростову и не дав княжне Марье вернуться в московское лоно. Князь Андрей мог освободиться от власти Петербурга лишь ценой ухода из жизни, в предсмертном умилении и просветлении, как и освобождении Наташи и сестры Марьи от их ложного пути.

Добро у Толстого понимается как сила и крепость жизни, в романе добро напрямую привязано к Москве, в москвичах главное — «крепость жизни». Отсюда эпитеты Толстого по отношению к Москве: «русское гнездо, разоренное французами», «Москва — городам мать», «земля обетованная», «священная древняя столица» «разо-

ренный, умирающий улей». Жизнь по Толстому связана с Богом. Зло, очевидно, связано с «таинственной силой», которая откуда-то появляется среди людей, охватывает их, заставляет воевать, рушить города, убивать людей, мучить пленных. Она начинает действовать по воле верховных главнокомандующих и потом охватывает все войско. Толстой через Пьера Безухова показывает, как действует эта сила среди французов, попавших в тяжелую ситуацию, а через Кутузова обращает внимание на противоположную ей силу добра и милосердия. Полководец обращается к своим воинам с пожеланием быть жалостливыми к французским пленным, тем самым способствуя погашению таинственной силы, которой привычно проявлять себя на войне. Станным образом зло в союзе с добром у Толстого начинает быть на стороне добра. Эта позиция Толстого нигде прямо и открыто не раскрывается, но в эти годы и в начале 1870-х гг. писатель был склонен думать о чем-то близком к индийской нирване. В письме к А. А. Фету от 30 января 1873 г. Толстой писал: «О Нирване смеяться нечего и тем более сердиться. Всем нам (мне, по крайней мере, я чувствую) она интереснее гораздо, чем жизнь, но я согласен, что, сколько бы я о ней не думал, я ничего не придумаю другого, как только то, что эта Нирвана — *ничто*. Я стою только за одно — за религиозное уважение — ужас к этой Нирване. Важнее этого все-таки ничего нет» [Толстой 62: 7]. Необычное зло, столь активно воздействующее на добро, похоже, и есть действие «Нирваны». Вот, допустим образ брошенной жителями Москвы накануне вторжения туда французов — она «пустая». И даже сравнение ее с мертвым ульем мало что дает для полной характеристики этой мистической пустоты. Она пугает французов своей таинственной силой. Даже московский пожар выглядит в контексте «пустоты» как большая иллюзия. Таким же иллюзорным Толстой представляет имение Болконских в Лысых Горах, которое открывается князю Андрею с неожиданной стороны как «заколдованный, заснувший замок». Это маленькая калька с такого же заколдованного Петербурга: здесь также все послушно «закону неизменности». Москва, лишенная жителей, погружена накануне французского захвата в пустоту, подчиненную тому же самому закону неизменности.

Брак Наташи Ростовой и Андрея Болконского не должен был состояться в силу идейных приоритетов Толстого. «Лучший петер-

буржец» князь Андрей Болконский и «лучшая москвичка» графиня Наташа Ростова разрывают отношения в период помолвки, не выдержав годового испытания. И дело, конечно, не в Анатоле Курагине и не в старом князе Болконском, но в чем-то более принципиальном. Брак со «страшным человеком» (как его называют женщины-Ростовы) должен был, очевидно, погубить московскую душу Ростовой, согласившейся в силу своего бесстрашия на этот формально выгодный брак. Юная графиня Наташа Ростова — это то лучшее, что сохранила Москва накануне французского нашествия. Москве приходится сражаться не только с Наполеоном как таковым, но с Наполеоном как представителем северной, русской столицы, а значит, и Анатодем Курагиным, и Элен Безуховой (Курагиной), наконец, с Андреем Болконским — лучшим из петербуржцев. То есть для Наташи князь Андрей — духовный враг, несмотря на их симпатии и брачные обязательства. Толстой так внутренне ставит вопрос, что нам становится ясно: брак или не брак этих двух людей покажет, победит ли Москва, выиграет ли Россия войну с Наполеоном. Эта несостоявшаяся свадьба позволила и самому князю Андрею умереть в покое и молитве, среди родных людей после смертельного ранения. Князь все равно был бы ранен в сражении, но умирал бы он по-другому, в гордости и страхе. Брак Москвы и Петербурга, по воле автора, не состоялся, хотя для этого торжества и таинства были выбраны лучшие представители своих городов, символы их. Избранность героев состояла в том, что каждый из них являл лучшие черты Москвы и Петербурга, но при этом оба готовы были сделать (и делали) искренний шаг к сближению друг с другом, олицетворяя духовное сближение городов.

Жесткая конструкция художественной части романа заставляла Толстого сознательно отсекал все, что могло помешать Наташе Ростовой реализовать свою миссию, заключающуюся в отстаивании самодостаточности Москвы. Круг героев вокруг нее был обусловлен принципом помощи ей или ее врагам, вольным или невольным. Она *многовекторный герой*, к Наташе сходятся нити и судьбы большинства героев романа. Таким же многовекторным героем представляется Пьер Безухов — представитель Москвы, глубоко втянутый в мир Петербурга, начиная от его обожания Наполеона, и заканчивая его масонской активностью. Опутанный со всех сторон петер-

бургской паутиной, он остается москвичом лишь потому, что любит Наташу Ростову, и готов ей оказывать помощь в самые тяжелые для нее дни, в конце концов, женится на ней. Пьер — необычный герой, необычный москвич, он, словно громоотвод, берет на себя в романе все основные «удары молний» по москвичам, и его брак на «лучшей москвичке» Наташе закономерен, по Толстому. Глазами Пьера мы видим Бородинскую баталию, затем Москву, занятую Наполеоном и, наконец, плен русских людей. Повседневность войны Толстой показывает большей частью глазами растерянного и ищущего истину москвича Пьера Безухова. Сближение Пьера и Наташи происходит постепенно, через разрушение тех гордиевых узлов, что были связаны, чтобы соединить Москву и Петербург в одно целое, ради чего и приходил в Россию Наполеон со своей военной европейской миссией. Они оба должны были, по замыслу Толстого, разрубить эти узлы, чтобы дать возможность истории пойти правильным, объективным путем.

Очень интересен образ *москвича*, главнокомандующего Кутузова, противостоящий образу петербуржца императора Александра I. Соответственно, корреляция образов Кутузова и Александра I не может не вестись без учета соотнесения с российским императором французского императора. Они выступают если не как откровенные союзники, то как близкие друг другу люди, называвшие еще недавно один другого братом. Толстой подчеркивает, что без согласия Александра Кутузов стал главнокомандующим (не будем обсуждать, соответствует ли это историческим фактам), без согласия императора сдал Москву, наконец, действовал при отступлении французов из Москвы не так, как хотел Александр I. Толстой осторожно, но твердо обвиняет петербургскую власть, что она сознательно дала уйти Наполеону и его маршалам из России. Кутузов у Толстого такой же «многовекторный герой», как Наташа Ростова и Пьер Безухов, к нему также стекаются симпатии и антипатии, от него зависит порядок действий русской армии. Он — «народный полководец», с приходом его на пост главнокомандующего война и деятельность русской армии сразу приобрели народный характер. Война стала вестись как бы от лица русского народа, а не просто России или императора Александра I. Толстой это подчеркивает не раз. «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия... цель эта достигалась действиями народ-

ной войны» [Толстой 12: 169]. При изгнании Наполеона за пределы страны, сразу изменилась роль Кутузова, он перестал быть нужен: «Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» [Толстой 12: 203].

Важно разобраться и в том, почему князь Андрей Болконский не стал у Толстого «многовекторным героем», хотя после любви к Наташе Ростовой в нем явно происходило движение в сторону обретения подлинного зрения, он стал видеть то, что раньше не замечал и стал чувствовать то, что мог чувствовать только человек московской цивилизации. Он видел имение своего отца Лысые Горы как заколдованный замок, застывший в своем законничестве, он по-другому начал смотреть на своих врагов, он ощутил судорогу, охватившую горло от сознания того, что Москва будет взята французами, хотя раньше ему было все равно. Болконскому становится понятна мотивация столь странной военной тактики Кутузова: «А главное, — думал князь Андрей, — почему веришь ему, это то, что он русский, несмотря на роман Жанлис и французские поговорки; это то, что голос его задрожал, когда он сказал: “До чего довели!” и что он захлипал, говоря о том, что он “заставит их есть лошадиное мясо”» [Толстой 11: 174]. Здесь Толстой дает князю Андрею «народное зрение»: На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим. Тем не менее, князь не доходит до искомой точки преобразования. Точнее сказать, его полное преобразование происходит в самый канун его смерти, это была цена за преобразование. Если бы он остался жить, он бы женился на Наташе Ростовой, но женился не как преобразенный князь Андрей, а как «страшный человек», и тем самым бы погубил и себя, и свою избранницу. Толстой не делает Болконского «многовекторным героем» из-за его петербургского происхождения; и, хотя тот был «лучшим из петербуржцев», готовым чувствовать и понимать лучшую из «москвичей», но все-таки он был «петербуржцем», что, по мысли Толстого, ставило непреодолимую преграду на пути к превращению его в москвича. К известной уже у

литературоведов теме о врагах в романе-эпопее Толстого [Козлова], можно добавить и недружественное противостояние «москвича» и «петербуржца».

Пара «граф Николай Ростов и княжна Марья Болконская», которых Толстой соединяет в браке должна нам объяснить и проиллюстрировать толстовскую идею о соединимости добра и зла ради создания красоты¹. Княжна Марья, конечно, не может быть прямо отнесена к петербургской области зла, но она представительница лучшей семьи Петербурга, семьи Болконских, с их заколдованным имением Лысые Горы. В своей семье она горячо верующий человек, она принимает странников, помогает им, живет в смиренном служении престарелому и желчному отцу, в строгом послушании ему. Но она, как указывает Толстой, как и все Болконские, «заколдована», она не может понять и принять Наташу при первом знакомстве, т. е. она не видит ее душу, она также слепа, как и ее брат. Находясь в «петербургской слепоте», она, в отличие от брата и отца, более тесно связана с воронежскими корнями своей покойной матери. Знал Толстой или не знал о благотворной роли Воронежа в жизни Петра I, в пору его занятия строительством флота, при жизни первого епископа Воронежского Митрофана? Тогда, царь, увлеченный культурными камнями Рима, античными статуями (что символически демонстрировали идею вечности Первого Рима), был остановлен святителем Митрофаном, не пожелавшим заходить в дом царя, наполненный античными скульптурами. И царь, хотя и испытал гнев, но принял «правду святителя», сделал, как тот хотел. Думается, что это важное событие на заре петровских преобразований запечатлело и особую роль Воронежа². У Толстого княжна Марья постепенно, но основательно и глубоко освобождается от статуарной «заколдованности», сначала при помощи Николая Ростова (и это уже после смерти отца и отъезда

¹ Толстой не раз высказывался на эту тему в переписке и дневниках, и, в конечном счете, он стал объяснять причину позитивности зла в его контакте с добром, происхождением зла из небытия, связав это с буддистским учением о Нирване. Так зло было выведено Толстым из-под власти нравственной и религиозной трактовки.

² Святитель Митрофан был прославлен в 1832 г. при императоре Николае I, сам государь посетил Воронеж через 40 дней после церковного прославления.

в армию брата), затем, по приезде в родной, материнский Воронеж, она получает еще большую духовную свободу; и, наконец, на одре смерти, прощаясь с духовно преобразившимся братом Андреем, она полностью освобождается от петербургской зависимости, в силу чего и состоялся ее брак с Николаем Ростовым. Такова логика толстовской идейности, связанной с символикой Москвы и Петербурга, от которой напрямую зависели судьбы главных героев. Добро и зло смогло соединиться, когда зло полностью было очищено в горниле испытаний от привязанности к своему источнику.

Понимание народности (этничности) Толстым

Толстой не раз делает упор на *народность* как решающую в войне силу, и можно подумать, что он выражает славянофильскую позицию. Но в данном случае автора романа интересует другой, не этнографический взгляд на русский народ; ему интересен народ, объединяющийся вокруг положительных «многовекторных героев» — представителей Москвы как Третьего Рима в толстовском его толковании. «Народ» — это сила, сознательно относящаяся к своему врагу Европе. Для Кутузова и народа, который объединялся вокруг его имени ради борьбы с нашествием Наполеона, это была борьба с Западной Европой, а для российского императора (в трактовке Толстого) это было освобождение Европы от тирана. В письме к Н. Н. Страхову от 22 марта 1872 г. Толстой пишет: «Народность славянофилов и народность настоящая две вещи столь же разные как эфир серный и эфир всемирный, источник тепла и света. Я ненавижу все эти *хоровые начала и строи жизни и общины и братьев славян*, каких-то выдуманных, а просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем» [Толстой 61: 278]. Толстого интересует конкретный народный материал, эстетически выверенный, не декларирующий себя, скромный. Если для славянофилов «народ» — это текучая из века в век этническая субстанция, сохраняющая свое единство за счет общинных, коллективистских форм бытия, то толстовский народ — ситуативный элемент жизни, и, конечно, требующий постоянной самоорганизации через своих «многовекторных героев». Чем дальше от таких героев, тем хуже ситуация. В противоположность реальным действиям героев, император Александр I, приехавший в Москву, чтобы поднять

народную волну патриотизма, делает это больше через бумагу, через печатное слово, через манифест. Сам же он, лично, вокруг себя собирает лишь толпу, которая давит друг друга, бросается на куски бисквита, проявляет животные инстинкты. Не случайно в этой встрече участвует только самый юный из Ростовых, Петя, которого чуть не задавили насмерть. Миссию объединения народа совершает не Александр, а Кутузов; и делается это ради Москвы: «Всем народом навальтятся хотят, одно слово — Москва».

Толстой, конечно, и сам стоит от народа как бы в стороне, чтобы в любую минуту сказать: это не народ, а вот это народ. Так же точно Толстой относился и к государству, Церкви, ко всему, включая жизнь и смерть. Однажды в его имении бык убил пастуха, а ответ должен был держать владелец имения, Толстой. Ему было предъявлено обвинение, и должно было состояться разбирательство. Толстой, «с седой бородой, с 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным...» [Толстой 61: 313], очень обиделся на государство, власть, страну и захотел уехать в Англию. Конечно, это был сиюминутный каприз, демонстрация своего возмущения, но характерна содержательная часть его предполагаемых действий в Англии: «Как не противна мне европейская жизнь», но надо ехать «пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено». «Только там свобода личности обеспечена — обеспечена для всякой уродливости и для независимой и тихой жизни» [Толстой 61: 317]. Толстой уже составил план, где он будет обучать детей, попросил знакомых в Лондоне составить ему протекцию среди высшей аристократии, чтобы было «общество». Это очевидная демонстрация «точечного» отношения к государству, народу, русской аристократии, которых Толстой в одночасье готов был оставить, чтобы показать силу своей обиды.

Кроме того, что народ Толстого — это локальная во времени и пространстве группа, зависящая от воли особых людей из числа аристократии, заметно и другое: вокруг семьи Ростовых, вокруг семьи Болконских сосредоточен «народ», близкий к помещикам, т. е. дворовый народ, профессионалы своего рода. Нигде нет в романе народа как «массы», рядового крестьянства не в единичных представителях, а в массе; нет общинного народа, соборного народа, народа как пчелиного роя в улье. Такой стихийный народ Толстому не нужен, пото-

му что это и будет «славянский народ», народ в котором господствует хаос, отсутствует культура, в том числе религиозная. Вот почему, на наш взгляд, Толстой осторожно подходит к образу народа, симпатичного ему. Это народ из далекого скифского прошлого. Об этом коренном народе России помнят только в Европе. Наполеон, стоя на границе с Россией, думает на эту тему: «Увидав на той стороне казаков и расстилавшиеся степи, в середине которых была Москва, священный город, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, — Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман» [Толстой 11: 8]. Наполеон ясно понимает, что воевать ему придется не с европейским Петербургом, тот ему давно уже сдался, а со «скифской» Москвой, полной противоречий и неведомых ему законов. Он идет воевать со «священным городом», претендуя на то, чтобы отнять его священство и присоединить к своим важнейшим трофеям.

Толстой, конечно, шел в своей концепции вслед за поляками, которые также видели в польской элите не славян, а древних сарматов, воинственных кочевников, как это следует из концепции сторонников «шляхетского сарматизма». В польской историографии эта тема начала озвучиваться с конца XVI в., оформилась в XVII в. и господствовала в Польше до середины XVIII в., «была направлена на обоснование исключительных прав шляхты, причем не только этнически польской, но также литовской, русской и белорусской в пределах Речи Посполитой» [Мыльников: 239–240]. Толстой не развивает эту тему, читателю самому приходится додумывать, почему московская аристократия в лице семьи Ростовых столь твердо противостоит петербургской аристократии. А всё потому, что за ней традиция, очень древняя и глубокая, корневая для России. Корни московской аристократичности древнее варяжских княжеских корней, они в античной, свободной скифской аристократии, равной греческой. Этого Толстого не говорит, но на понимание этой исторической «тайны» настраивает читателя. И в этом контексте писатель, конечно, может считаться предтечей «евразийцев» и «скифов». Вот, например, описание Толстым психологии русских перед лицом военной опасности; она передает героическую тактику скифов, воюющих таким образом

с персидским царем: «Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого на раздирал на куски, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя имущество; беднейшие оставались и зажигали, и истребляли то, что оставалось. Сознание того, что так и будет, и всегда так будет, лежало и лежит в душе русского человека. И сознание это и, более того предчувствие того, что Москва будет взята, лежало в русском московском обществе 12-го года» [Толстой 11: 279].

И тут, несомненно, чувствуется определенное влияние на Толстого А. И. Герцена, который высказывал мысли о прогрессивной роли татаро-монгольского ига в жизни России, а также не раз в своих работах (и мемуарах) сравнивал русских, посещающих Европу, со скифами, прибывающими в античные Афины [Герцен 5: 585]. Еще раз подчеркнем, что «Война и мир» не была для Толстого долговременной книгой, на эту тему он высказался один раз и больше уже не возвращался к ней, не видя, очевидно, возможности углубить ее понимание и реализацию. Вообще в толстовском мировоззрении было нечто созвучное евразийцам, хотя и не выделенное в концепцию. Например, в число общих рассуждений в романе «Война и мир» входит размышление Толстого о стихии, увлекающей исторических героев за собой. Этот пассаж очень напоминает теорию пассионарности тезки Толстого Л. Н. Гумилева (названного в честь Толстого): «Для изучения законов истории, мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами» [Толстой 11: 269]. В своей интерпретации третьеримской идеи как общественной, негосударственной идеи, Толстой впервые являет исторический нигилизм, предметом его внимания становится римская государственность в ее политическом выражении.

Итак, в основе толстовского подхода лежит понимание почти непреодолимой пропасти между Москвой как Третьим Римом и Петербургом — Первым Римом. Последний для писателя не имел никакой привязки к православной церковности, русской традиции, «делу мира». Хотя в реальной жизни, как мы знаем, все было не так: Петербург, как и Москва, сохранял религиозные ориентиры, опирался на

Церковь, пространство его освящалось православными святынями и молитвами. Но Толстой нарочито, чтобы связать государственное начало со всеми отрицательными характеристиками, делает Петербург полным антиподом Москвы. Толстой словно хочет показать, что Москва не нуждается в Первом Риме, что она уже состоялась как Третий Рим, а Петербург — это главная причина войны 1812 г. Общественный, аристократический взгляд на Отечественную войну, который Толстой демонстрирует в романе-эпопее «Война и мир», по-своему оценивает итоги победы России. Это победа не только над Наполеоном и объединенной Европой, но и победа над всей послепетровской Россией как европейской империей, победа Москвы над Петербургом.

Список литературы

Источники

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Исследования

Амирханян А. М. Религиозный контекст добра и зла в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 146–161.

Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Э, 2017. 637 с.

Билинкус Я. С. О Творчестве Толстого. М.: Сов. писатель, 1959. 414 с.

Гулин А. В. Лев Толстой как певец Российской Империи // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 18–41. <https://doi.org/10.22455/2686-74942022-4-2-18-41>

Долгополов А. Н. Андрей Белый и его роман Петербург. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.

Ермилов В. В. Толстой художник и роман «Война и мир». М.: Гослитиздат, 1961. 359 с.

Иванов Вяч. И. Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 476 с.

Козлова С. М. «Текст врага» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3 (40). С. 56–62.

Миронова Г. С. Болконские и Куракины: «мир» и «антимир» в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 54–62.

Мыльников А. С. Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. СПб.: Наука, 2016. 582 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 621 с.

References

Amirkhanian, A. M. "Religiozniy kontekst dobra i zla v romane L. N. Tolstogo 'Voyna i mir'." ["The Religious Context of Good and Evil in L. N. Tolstoy's Novel 'War and Peace'"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, 2009, pp. 146–161. (In Russ.)

Andreeva, V. G. "Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L. N. Tolstogo" ["The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of Leo Tolstoy's Novels"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, E Publ., 2017. 637 p. (In Russ.)

Bilinkis, Ia. S. *O Tvorchestve Tolstogo* [About the Works of Tolstoy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 414 p. (In Russ.)

Gulin, A. V. "Lev Tolstoi kak pevets Rossiiskoi Imperii" ["Leo Tolstoy as a Singer of the Russian Empire"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 18–41. <https://doi.org/10.22455/2686-74942022-4-2-18-41> (In Russ.)

Dolgoplov, A. N. *Andrei Belyi i ego roman Peterburg* [Andrei Bely and His Novel Petersburg]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 416 p. (In Russ.)

Ermilov, V. V. *Tolstoi khudozhnik i roman "Voyna i mir"* [Tolstoy the Artist and the Novel "War and Peace"]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. 359 p. (In Russ.)

Ivanov, Viach. I. *Dostoevskii. Tragediia. Mif. Mistika* [Dostoevsky. Tragedy. Myth. Mystic]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2021. 476 p. (In Russ.)

Kozlova, S. M. "'Tekst vruga' v romane L. N. Tolstogo 'Voyna i mir'." ["'Text of the Enemy' in L. N. Tolstoy's Novel 'War and Peace.'"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (40), 2004, pp. 56–62. (In Russ.)

Mironova, G. S. "Bolkonskie i Kurakiny: 'mir' i 'antimir' v romane-epopee L. N. Tolstogo 'Voyna i mir'." ["The Bolkonskys and the Kurakins: 'Peace' and 'Anti-peace' in L. N. Tolstoy's Epic Novel 'War and Peace.'"]. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo*, no. 3 (11), 2014, pp. 54–62. (In Russ.)

Myl'nikov, A. S. *Kartina slavianskogo mira. Vzgliaid iz Vostochnoi Evropy* [Picture of the Slavic World. A View from Eastern Europe]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 582 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1995. 621 p. (In Russ.)